

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

ХОЗЯИН

ГОР

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Хозяин гор

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Хозяин гор / С. В. Самаров — «Эксмо», 2020 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-115512-4

Во время нападения бандитов на дагестанское село пропал один из его жителей, подполковник полиции Исрафил Темиров. Были разные предположения: подполковника захватили бандиты, возможно, он сбежал при их приближении. Появились даже слухи, что Темиров стал эмиром банды, которая терроризирует окрестные села... Для пресечения бандитских вылазок в горный район направляется взвод спецназа военной разведки под командованием старшего лейтенанта Игоря Семипалатина. Бойцы понимают, что им придется иметь дело с серьезным противником. Но у спецназа ГРУ достаточно опыта, чтобы одолеть любого врага...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115512-4

© Самаров С. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Васильевич Самаров

Хозяин гор

© Самаров С.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

© Max Sky, Nomad_Soul / Shutterstock.com

Глава 1

Бой непредвиденно затянулся.

По предварительным данным, полученным из Управления МВД республики, в райцентр вошла небольшая банда, всего-то шесть человек. Половину из них составляли европейцы, то есть, скорее всего, наемники. Поэтому на их уничтожение был направлен всего взвод спецназа военной разведки из состава сводного отряда, который базировался неподалеку от Махачкалы. Это подразделение как раз возвращалось из свободного поиска и случайно оказалось рядом с местом происшествия, когда получило приказ.

Будь здесь задействована большая банда, начальнику штаба отряда майору Лиговицкому ничего не стоило бы послать в бой и два взвода, и даже три, которые в настоящий момент имелись в его распоряжении. Но два взвода он держал в резерве, предполагая, что они еще могут понадобиться.

Этот взвод справился бы со своей задачей по уничтожению шести бандитов в любой обстановке. Тем более что эти негодяи практически и не скрывались.

Они без всякого стеснения на грузовой машине с местными номерами, как стало известно позже, захваченной неподалеку, прямо на мосту через речку, огибающую районный центр по окраинам, подъехали к районному управлению полиции. Боевики вошли в двухэтажное здание, сначала расстреляли дежурного и его помощника, потом, ни от кого не прячась, двинулись по коридорам. Каждый из них при этом изображал Терминатора, неуязвимо для пуль. Бандиты выбивали ногами двери и расстреливали полицейских, находящихся в кабинетах.

Они стреляли из автоматов с глушителями, поэтому тревога поднялась не сразу. Если кто-то из сотрудников выскакивал на шум выбитых дверей в коридор, то находил смерть там.

В ответ сотрудники полиции смогли только дважды выстрелить из пистолетов. Но эти пули пролетели мимо. Или же бандитов спасли бронежилеты.

Расстрел в здании полиции имел немалый резонанс в округе. Он добавил бандитам авторитета, но это случилось потом, через несколько дней, когда слухи обрели свои конкретные очертания. Сначала был произведен сам дерзкий расстрел.

Хорошо еще, что рабочий день уже минут пятнадцать как завершился и в кабинетах мало кого можно было застать. Поэтому основной костяк райотдела МВД остался цел. У бандитов, видимо, к тому моменту не было здесь своего информатора. Они не знали, в каких домах живут другие сотрудники райотдела. Поэтому те остались живы и не пострадали.

После разгрома райотдела полиции бандиты просто перешли дорогу, забрели в районную управу и расстреляли тех людей, которых застали там. Районная управа начинала, следовательно, и заканчивала рабочий день на час позже полиции.

В районной управе в ответ на нападение раздался один выстрел. В кабинете ЗАГСа, расположенном на первом этаже, сидел старший лейтенант полиции Багаутдинов, сотрудник разрешительного отделения райотдела. Он ожидал, когда его молодая жена завершит все дела и закроет сейф, и увидел бандитов в окно. Лейтенант Багаутдинов успел застрелить одного из них из табельного пистолета. Пуля, выпущенная им, попала в глаз этого мерзавца. Однако другие боевики тут же расстреляли и лейтенанта, и его молодую беременную жену.

Бандиты прошли по всем трем этажам районной управы. Они убивали всех подряд, без разбора, не обращали внимания ни на возраст, ни на пол, не спрашивали, работают люди здесь или пришли в районную администрацию со своими житейскими проблемами.

Расстрел был завершен. Едва бандиты успели спуститься на первый этаж, как на трех бронетранспортерах в райцентр прибыл взвод военной разведки и остановился как раз на площадке напротив управы. Центральный вход, через который бандиты и попали в здание, теперь

был заблокирован. Спецназовцы быстро десантировались и залегли под кустами акаций на другой стороне дороги.

Тут же полетели стекла, выбитые автоматными стволами, совершенно лишенными стеснительности. Почему-то никто из пятерых бандитов, оставшихся в живых, не пожелал стрелять сквозь стекло, хотя оно и не могло бы существенно повлиять на полет пули к цели, до которой было от силы метров сорок. Но всем бандитам, видимо, казалось, что так было красивее – выбить стволом стекло и выставить глушитель в окно.

Начался бой. Пятерым мерзавцам сопротивляться взводу спецназа, подкрепленному еще и тремя бронетранспортерами, было нереально, хотя боевые машины были старого образца и имели вместо современных скорострельных пушек только пулеметы. Но как только очереди разнесли в прах одно из окон, откуда бандиты и стреляли, их огонь сразу прекратился. Похоже было на то, что боевики куда-то ушли.

– Черный ход! – воскликнул командир взвода старший лейтенант Семипалатин. – Он там должен быть. За мной!

Он вскочил первым, хотел перебежать дорогу, но тут же остановился и залег в кювет. В асфальт дороги, где только что находился старший лейтенант, ударили несколько пуль.

По звуку офицер определил, что стреляли по нему из автоматов АК-47, то есть пулями калибра семь целых, шестьдесят две сотых миллиметра. Такими автоматами и патронами наша армия не пользуется уже сорок пять лет. Но бандиты предпочитают именно это оружие. Оно куда более убойное, хотя и довольно тяжелое.

Три тентованных грузовика остановились, не доезжая площади. Из кузовов посыпались люди. К бандитам подошло подкрепление, причем весьма немалое.

По команде старшего лейтенанта на дорогу выехали сразу два бронетранспортера и начали обстреливать грузовики из пулеметов. В ответ ухнул, как лесной филин, РПГ-7, и один из транспортеров загорелся. Экипаж едва-едва успел выскочить на ту же дорогу и под прикрытием дыма и огня занять позицию в кустах акации.

Третий БТР прикрывал взвод сзади и сбоку. Его башня постоянно шевелилась, иногда даже вращалась по кругу, как сова головой вертит. Экипаж пугал противника огнем своего КПВТ, способного разнести в щепы любой забор вместе с людьми, которые за ним спрячутся, да и стену дома развалить.

В итоге развалились и загорелись все три грузовика, на которых бандиты прибыли в район-центр.

Сами же они к тому моменту уже выскочили из кузовов и рассыпались не только по дороге, но и по ближайшим дворам, откуда донеслись автоматные очереди и собачий визг. Собак, как и людей, бандиты расстреливали без жалости.

В таком положении взводу, естественно, было не до преследования оставшихся в районной управе бандитов. Да они, скорее всего, уже покинули здание через черный ход.

Старший лейтенант Семипалатин вызвал начальника штаба сводного отряда майора Лиговицкого и доложил ему обстановку. Майор запросил общее количество бандитов, удивился ответу старшего лейтенанта, но сразу включился в ситуацию и пообещал срочно выслать подкрепление.

Впрочем, понятие «срочно» в данной ситуации казалось Семипалатину достаточно растяжимым. Ведь военный городок спецназа находился почти в полусотне километров отсюда.

Старший лейтенант просто не знал, что два взвода, точно так же, как тот, которым командовал он, в настоящее время возвращались из свободного поиска той же дорогой и находились, по счастью, не слишком далеко. А если ехать напрямую, не по асфальту, то путь вообще можно сократить почти вдвое.

Но оповещение у бандитов тоже, похоже, работало хорошо. Тот факт, что подкрепление приближается к взводу спецназа, стал понятен Семипалатину тогда, когда заметно ослабел

напор бандитов, которых было, пожалуй, раза в три больше, чем бойцов военной разведки, хотя вооружены они были похуже. По крайней мере, не все имели автоматы с глушителями и ни у кого не было оптических тепловизионных прицелов «Шехин», уже обычных в спецназе ГРУ. Потом бандиты и вовсе стрелять перестали, словно растворились в селе.

В райцентр прибыло еще шесть бронетранспортеров. Два взвода, оставшихся в резерве, включились в операцию.

Но бандитов в поселке уже не было. Уехать им было не на чем. Три их грузовика сгорели под выстрелами крупнокалиберных пулеметов бронетранспортера. Четвертый так и стоял около здания райотдела полиции. Но сами бандиты, похоже, вышли из поселка дворами к реке и растворились в прибрежных тугаях. Об этом говорили убитые собаки и расстрелянные жители домов.

Спецназовцы пробовали их искать, но это не дало никакого результата. В тугаях даже просто передвигаться трудно, не говоря уже о том, чтобы кого-то там найти.

Потом на трех грузовиках под прикрытием боевой машины пехоты в райцентр прибыл спецназ МВД. Вместе с ними следовали три микроавтобуса с сотрудниками республиканского и межрайонного следственных комитетов, о чем говорили надписи красной краской на белых полосах по бортам.

По телефонному звонку следователей врачи районной больницы прошли по домам и собрали раненых, которых еще можно было спасти. Таких оказалось только четверо. Все они были из числа бандитов, которые расстреливали местных жителей с невиданной жестокостью.

Эти нелюди были под ментовской охраной отправлены в хирургию. При этом не совсем понятно было, что именно должна была делать эта самая охрана. Заботиться о том, чтобы бандиты не сбежали? Но ведь их состояние и не позволяло им этого сделать. Или же охранять убийц от праведного гнева местных жителей?

Остальные на машинах «Скорой помощи» были сразу отправлены в больничный морг. Но места в холодильнике там быстро закончились. Поэтому часть убитых жителей поселка была увезена в соседний райцентр. Там холодильник морга был почти пустым и довольно вместительным. Туда же попали и тела бандитов, подобранные рядом с дорогой. Ведь бойцы взвода старшего лейтенанта Семипалатина все же стрелять умели куда лучше своих противников. Четверых легко раненных солдат своего взвода и одного тяжелого, получившего пулю в голову, старший лейтенант усадил в БТР и отправил в санчасть сводного отряда. Он совершенно справедливо не доверял местным медикам жизнь и здоровье бойцов, которыми командовал.

Глава 2

Спецназ МВД, прибывший на место трагических событий, по сути своей, как понял Семипалатин, таковым не был. Состоял он из офицеров разных званий, от лейтенанта до майора, собранных, как говорится, с миру по нитке, из сельских населенных пунктов Центральной России специально для командировки на Северный Кавказ. Менты влезли в черную униформу, натянули на себя бронежилеты с разгрузками и шлемы, получили оружие, отличное от пистолетов и короткоствольных автоматов, привычных им.

Конечно, они горели желанием проявить себя в бою, но какой из них мог получиться спецназ, старший лейтенант понял уже по их манере поведения и походке. Эти люди были горды собой и на настоящих солдат-спецназовцев посматривали слегка свысока, с легкой насмешкой, считали, что новая черная униформа придает им невероятные силы и возможности.

Семипалатин уже сталкивался с такими вот, извините, спецназовцами, не умеющими даже пережат и перебежку толком выполнить, не говоря уже о более сложных действиях. Но заострять на этом внимание старший лейтенант не стал. Тем более что разговор он вел не с командиром группы ментовского спецназа, а с руководителем следственной бригады. Ему Семипалатин и обрисовал ситуацию под протокол, а потом и подписал его, радуясь, что самому ничего сочинять не пришлось. Старший лейтенант не любил эти бумаги, особенно если их приходилось писать от руки, предпочитал любой необходимый текст набирать на компьютере.

Подполковник юстиции Газалиев, из местных, республиканских, кадров, сразу разослал своих подчиненных по разным направлениям и потребовал от командира ментовского спецназа выделить каждому следователю группу прикрытия на случай, если кто-то из бандитов убежать не успел и сумел спрятаться в каком-то доме или дворе. У Семипалатина сложилось такое впечатление, что эти следователи даже не умели стрелять из пистолета, который имелся у каждого из них. По крайней мере, именно такое мнение имел, видимо, о своих подчиненных руководитель следственной бригады подполковник Газалиев. Но, может, он просто берег свой личный состав от любых посягательств со стороны бандитов.

Завершив разговор с ним, старший лейтенант Семипалатин вышел на связь с майором Лиговицким и доложил ему ситуацию. Майор пообещал сразу же выслать в райцентр еще одну бронемашину и трейлер, чтобы забрать сгоревшую.

Старший лейтенант Семипалатин отключился от связи и отошел в сторону, к своим коллегам, двум старшим лейтенантам, командовавшим взводами резерва.

К нему тут же подскочил заместитель командира взвода старший сержант контрактной службы Колотушкин и сказал:

– Вас, Игорь Витальевич, срочно требует к себе подполковник Газалиев.

Он вызвался показать двор, в который следовало идти, и даже сам пошел следом. Это на тот случай, если командиру взвода необходимо будет послать кого-то с поручением. Связь, конечно, дело великое, но она же на весь взвод работает, а поручения бывают и деликатными, о которых всем знать не положено.

Командир взвода поспешил во двор, указанный ему. Следственная группа во главе с подполковником Газалиевым стояла перед крыльцом, по которому, как определил старший лейтенант еще на подходе, разлилась большая лужа крови. Скорее всего, даже две. Ведь если бы эта кровь вытекла из одного человека, то он обязательно лежал бы здесь же, сам не будучи в силах даже уползти. Разве что его унесли бы отсюда. Но с чего такая честь, если рядом с крыльцом валялся другой бандит, без признаков жизни?

Рядом с дорогой недавно валялось еще несколько тел. Но там сотрудники «Скорой помощи» уже загрузили работой патологоанатомов местного морга, отправили бандитов в холодильник, а со двора тело унести еще не успели.

Но и с улицы убитых медики отправляли в морг только после осмотра места их гибели следователями. Те карманы бандитов обыскивали, забирали документы, средства связи и оружие, проводили многочисленные замеры от различных точек, составляли рукописные планы места происшествия, на том же листе тщательно описывали место гибели каждого человека.

Это была нудная, кропотливая работа, но проводилась она в полном соответствии с ведомственным Положением об осмотре места происшествия. При этом сами следователи зачастую понимали ненужность некоторых действий и их несоответствие общей ситуации. Однако никто не роптал и не рисковал выступать против правил, утвержденных много десятилетий тому назад, когда еще не существовало многих современных методов, например, той же видеофиксации. Даже рулетки у них были ручные, тогда как строители и все прочие спецы, которым часто доводится отмерять расстояние, давно уже использовали лазерные. Следователи сильно отставали от реальностей нашего века.

– Вы звали меня, Абдул-Меджид Ниязович? – спросил командир взвода у подполковника.

Он сам не знал, почему не желал общаться с представителем следственного ведомства на уставном языке.

– Да. Ты же теперь будешь, как мне сказали, эту банду курировать.

– Мне такого еще не сообщали, товарищ подполковник. Но, скорее всего, это буду именно я со своим взводом. У нас так обычно и случается. Кто первым с конкретной бандой столкнется, тот ее и добывает. Наверное, я этими вот гадами и займусь. Знать бы только, где они прячутся.

– Не сообщили тебе, значит, просто не успели еще, позже передадут. Главное в том, что твой начальник штаба мне сказал, чтобы я с тобой всей информацией делился. Так вот, попробуй, что в этом доме бандиты натворили. Пройди внутрь, посмотри, если нервы имеешь достаточно крепкие.

Старший лейтенант поднялся на крыльцо и услышал голос, доносящийся из-за двери. Пожилая женщина что-то говорила, скорее всего, по-аварски. В поселке жили в основном представители именно этого народа. Женщина, судя по интонации, явно чем-то возмущалась, проклинала кого-то. Впрочем, после той беды, которая здесь произошла, трудно было рассчитывать услышать что-то иное, например, залиvistый смех. Тут же к ней подключился мужчина. Он говорил достаточно категоричным и весомым тоном, слова произносил с уверенностью, нимало не сомневаясь в своей правоте.

Командир взвода вошел в дом. Старший сержант Колотушкин шагнул туда за ним следом.

Сразу за входной дверью, неестественно подломив под себя руки, все еще сжимающие автомат, лежал бандит с простреленной головой. В нее угодили, видимо, сразу несколько пуль, выпущенных с короткой дистанции. Они прошли навывлет, разворотили затылок. Кровь и мозговое вещество забрызгали стену коридора. Смотреть на нее было даже неприятнее, чем на самого убитого.

Длинный коридор вел внутрь дома. Двери в нем располагались и справа, и слева. Все они были закрыты. Как раз за ближайшей из них по левую сторону и раздавались голоса людей, разговаривающих вроде бы на аварском.

Игорь Витальевич решил не мешать чужой беседе и шагнул по коридору дальше, к следующей двери, которая только что распахнулась. В коридор вышли молодой следователь и человек в белом медицинском халате, забрызганном кровью. Это был врач с машины «Скорой помощи», которая стояла рядом с домом, или судмедэксперт из следственной бригады, воз-

можно, патологоанатом. Таковых теперь в поселке было сразу четверо, включая специалиста, присланного из соседнего райцентра. Предусмотрительное решение, если учесть общее количество убитых.

– Там что? – спросил старший лейтенант молодого следователя.

– Дети. Две девочки и мальчик. Зверство-то какое! Какой был смысл детей-то убивать?

Семипалатин заглянул за дверь и увидел, что дети были расстреляны прямо в своих кроватках. Они, наверное, что-то услышали, испугались и пытались закрыться одеялами, которые, к сожалению, не обладают свойствами бронежилетов и бывают не в состоянии выдержать попадания пуль. Тем более что расстреливали их бандиты с близкого расстояния, когда пуля еще имеет самую высокую скорость.

Эта детская комната была настолько мала, что там даже развернуться было бы трудно. Поэтому командир взвода и решил туда не заходить. Семипалатин знал, что старший сержант Колотушкин имел довольно слабую нервную систему. Бывали случаи, когда его рвало от вида чужой крови. Как же он тогда отреагирует на убитых малолетних детей?!

Следующая дверь тоже была слева. Старший лейтенант распахнул ее и шагнул за порог.

Эта комната была раза в четыре больше детской. На старомодном диване с круглыми валиками завалился на бок пожилой, если не сказать, что очень старый, мужчина с простреленной грудью. Его щеки и подбородок покрывала густая седая щетина. Он носил очки в круглой роговой оправе. Вместо сломавшихся дужек к ним были привязаны нитки с обычными гайками понизу. Сейчас очки свалились на кончик носа, с трудом, но все же держались на нем. Поправить их было некому, да и необходимости в этом не просматривалось. Родственники будут хоронить этого человека. Они и решат, в очках его под землю укладывать или без них.

Перед диваном стоял круглый стол, покрытый темным лаком, с белой ажурной скатертью, связанной крючком. Она красиво, почти торжественно контрастировала с поверхностью дерева. На столе лежали футляр для очков и раскрытая книга. Дочитать ее мужчине уже было не суждено.

По другую сторону стола, у стены, между двумя неширокими окнами, располагался компьютерный столик с монитором на нем. Системный блок стоял в отделении, специально для этого и предназначенном.

Перед столиком в офисном кресле сидела старушка, бессильно свесившая руки и уронившая подбородок на грудь.

Семипалатину показалось, что она вздохнула. Он обошел стол по кругу, приблизился к ней, готов был потребовать, чтобы старший сержант Колотушкин, вошедший в комнату следом за ним, позвал сюда врачей, и приложил два пальца к горлу старушки. Сонная артерия не пульсировала.

Только после этого старший лейтенант увидел на теле старушки сразу четыре ранения. Расположены они были по косой линии. Первая пуля вошла в правый бок в районе печени, последняя попала в район плеча, чуть левее ключицы. Автомат, из которого стрелял бандит, наверняка был без дульного тормоза. При очереди ствол швыряло вверх и влево. Две средние пули пробиты старушке грудную клетку. Одна из них вошла в тело в районе сердца. С такими ранениями даже молодые люди не выживают. А об этой женщине и говорить не приходилось. Она, видимо, услышала, как кто-то вошел в комнату, повернулась вместе с креслом на колесах и получила очередь.

В кого убийцы стреляли раньше, в старушку или в старика, было не ясно, но это обстоятельство не играло особой роли. Но ни он, ни она перед автоматной очередью даже не встали и оказать сопротивление стрелку возможности не имели. Но ведь бандитов могло быть и два, и три, хотя стреляли только двое. Возможно, даже одновременно.

Компьютер, за которым старушка сидела, оставался включенным. Старший лейтенант Семипалатин откатил в сторону кресло вместе с телом, выдвинул ближе к себе подставку под

клавиатуру, сбоку от которой располагалась компьютерная мышь, и посмотрел на монитор. Оказалось, что старушка работала в социальной сети «Одноклассники». Поцелкав компьютерной мышью, командир взвода закрыл лишние вкладки, вышел на главную страницу, где располагался пост, и заинтересовался, на кого он зарегистрирован.

Старушку звали Джума Шахмардяновна Темирова. Но самое главное, что сильно удивило старшего лейтенанта, так это дата ее рождения. Ей неделю назад исполнился сто один год.

Если старик в этой же комнате – ее муж, то ему, следовательно, должно быть еще больше. У аварцев обычно мужья бывают старше жен на несколько лет. Он в таком возрасте еще и книги читал. А она за компьютером работала. Удивительные люди!

Скрипнула дверь. Семипалатин обернулся и поднял взгляд. В комнату вошли подполковник юстиции Газалиев и какой-то майор, тоже в мундире офицера юстиции.

– Джума Шахмардяновна Темирова, – констатировал командир взвода. – Сто один год от роду, но еще умудрялась работать в соцсети. Думаю, что не со своими одноклассниками общалась. Если они еще живы, то, скорее всего, компьютер стороной по большому кругу обходят.

– Не скажите, – не согласился майор юстиции. – У нас бабушки с дедушками бывают и современные, в ногу со временем живут.

– Это бабушка подполковника полиции Темирова, – сказал Газалиев. – В настоящий момент он исполняет обязанности начальника райотдела, пока тот на Кипре отдыхает. Это его дом. Только вот самого подполковника мы пока нигде не можем найти.

– Был бы начальник отдела не в отпуске, а на работе, то его, возможно, расстреляли бы бандиты, – проговорил майор. – Исрафил Саидович такой человек. Он никому спуска не давал, ни преступникам, ни своим сотрудникам. Сам всегда до темноты на работе сидел. И другие при нем тоже не бездельничали. Вдохнули свободнее, когда он в отпуск уехал. В районе у него всегда порядок был. Только вот одна беда у полковника Нур-Исмаилова. Этот его заместитель, да и тезка по совместительству, Исрафил Надирович Темиров, весьма необузданная, надо заметить, личность. Поэтому сотрудники райотдела ждут не дождутся, когда у начальника отпуск закончится. Считают, что лучше уж вечерами сидеть, чем с таким начальником, как Темиров, работать. Но он не только на службе был необуздан и зол. По жизни человек такой. Я неплохо знаю прокурора их района. Он сейчас тоже, кстати, в отпуске, в Крыму отдыхает, на своей машине поехал, обещал про новый мост по возвращении впечатлениями поделиться. Этот прокурор с женой Темирова в одном классе учился. Он мне рассказывал, что она к нему приходила, жаловалась, хотя заявление писать не стала, опасалась, что если муж узнает, то совсем ее убьет. Темиров постоянно избивал жену и даже детей, когда те за маму заступались. Она даже своему отцу боялась сказать об этом. Тот хоть и старик, но знаменитый на весь район силач и вообще крутой человек. Он мог за дочь зятя прикончить голыми руками, просто ударом кулака. Я слышал, что он лошадь так вот убил, когда сам уже в возрасте был. Она его боднула в лицо, он в сердцах ее и огрел кулаком, а потом сам над ней плакал. Лошадь любимая была и своего хозяина тоже обожала. Это, по большому счету, громадное несчастье для пожилого человека.

– Я тебе, старлей, не представил товарища майора, – спохватился подполковник Газалиев. – Это начальник Межрайонного следственного отделения из соседнего райцентра Камил Латифович Омаров. Он будет вместе со мной курировать это дело. Вместе будем банду искать, которую ты потом уничтожишь. Но мы надеемся, что ты нам и в поисках поможешь.

– Спецназ военной разведки, товарищ подполковник, не обладает следственными функциями, – скромно и даже в определенной степени хитро высказался старший лейтенант Семипалатин.

– Шерлок Холмс тоже не обладал следственными функциями. В Англии вообще этими функциями частных сыщиков наделили только в шестидесятых годах прошлого века. А сколько Холмс преступников поймал! Вот и ты тоже!..

Начальник штаба сводного отряда прислал в райцентр ремонтно-эвакуационную машину, чтобы вывезти подбитый бронетранспортер, и еще две боевые машины. Хотя эвакуацию взвода можно было бы провести и без этого пополнения транспортом. Спецназовцы приехали передвигаться и другим порядком. Часть бойцов усаживалась внутри машины, в отделение для десанта, остальные размещались сверху, на броне. Тем более что во взводе было пятеро «трехсотых», уже отправленных в санчасть и принятых там. Следовательно, посадочных мест теперь требовалось меньше.

Так вот и вышло, что в обратный путь отправились девять бронетранспортеров и ремонтно-эвакуационная машина, поставленная для безопасности в середину колонны, выглядевшей очень даже основательно. Это и в самом деле была настолько значительная сила, что едва ли нашлась бы какая-то банда, желающая ей себя противопоставить. Тем более что последние шесть бронетранспортеров, прибывшие в райцентр, были современными. Они имели на вооружении автоматические тридцатимиллиметровые пушки, способные разносить своим огнем любые преграды, даже каменные и бетонные, были в состоянии просто разнести в клочья тяжелый грузовик, который бандиты порой выставляли поперек дороги, чтобы остановить и атаковать какую-то армейскую колонну.

Вся эта немалая сила добралась до военного городка без всяких приключений. Говоря честно, какого-то обострения вообще можно было ждать только в горных районах, лишь в самом начале обратного пути, на первой трети его. Дальше дорога шла по более-менее равнинным местам с хорошим обзором, кажется, не обещала ни засад, ни какой-то другой опасности, даже давала возможность передвигаться почти на предельной скорости.

Офицерам пришлось предупредить тех бойцов, которые ехали на броне, чтобы они покрепче держались за специальные ручки, как раз для десанта и предназначенные. Свалиться с такой верхотуры на высокой скорости – это вообще довольно опасно. Бойцы, конечно же, отрабатывают на тренировках разные варианты десантирования, но настрой при этом бывает совсем другим. Спецназовцы не позволяют себе расслабиться и к прыжку готовятся заранее.

Прибыв в военный городок, старший лейтенант Семипалатин сначала отправил свой взвод в казарму, на отдых. Потом он заглянул в гараж, где технари уже приступили к исследованию сгоревшего бронетранспортера, и поинтересовался возможностью его восстановления.

– Исключено! – Капитан, заведующий гаражом, был категоричным. – Пробоину мы бы еще заварили. Но внутри выгорело все, в том числе и двигатель. Я вообще не понимаю, как экипаж умудрился спастись!

– Люки были открыты. Перепада давления не случилось, – объяснил ему командир взвода.

– А боезапас детонировал, значит?

– Да. Уже после. В самый разгар боя. Транспорт от взрыва даже подпрыгнул.

– Повезло парням. Могло быть куда хуже. Будем просить для них новую машину. Эту просто спишем на боевые потери и разберем на запчасти. Подвеска здесь почти целая. Да и резина всего неделю назад поставлена. Она от огня, к счастью, не пострадала.

– Хорошо. Я так и доложу начальнику штаба.

– Он сам только что звонил. Я ему уже все доложил.

Старший лейтенант отправился к начальнику штаба отряда.

Дежурным по части был молоденький светлоусый лейтенантик, вчерашний выпускник военного училища. За неимением вакансий в бригаде, куда этот парень был направлен по распределению, он угодил в командировку на Северный Кавказ. Здесь по вполне понятным причинам вакансии появляются гораздо чаще.

Он лихо козырнул и сообщил визитеру, что начальник штаба приказал ему направить в его кабинет старшего лейтенанта Семипалатина, как только тот здесь появится.

Но направить, это вовсе не значит, что старшего лейтенанта следовало донести до дверей, да еще и постучать в них. А Игорю Витальевичу казалось, что молодой офицер готов был сделать это. Он отправился провожать Семипалатина на третий этаж.

На середине первого пролета лестницы, не дойдя даже до поворота на второй этаж, старший лейтенант остановился и полюбопытствовал:

– Лейтенант, вы меня, кажется, провожаете?

– Так точно! Показываю дорогу.

– Не трудитесь. У меня уже не первая командировка сюда заканчивается. В общей сложности больше пяти лет получается. Не зря люди говорят, что за это время можно медведя научить в шахматы играть. Я прекрасно помню дорогу.

– Извините, товарищ старший лейтенант. Вопрос разрешите?

– Слушаю вас.

– У вас во взводе служит сапером младший сержант Леша Гвоздилин. Как он себя показывает? Можно мне узнать?

– Хорошо показывает. А чем вопрос вызван, можно мне поинтересоваться?

– Да просто все. Мать Гвоздилина – подруга моей мамы. Она и спрашивала. Просила меня разузнать. Я самого Лешку еще пацаном помню. Мы в одном дворе жили, дома напротив. Подвижный такой парнишка был.

– Можешь прямо передать, что хороший и грамотный боец. Спасибо матери за воспитание такого сына. Она сама-то кто по профессии?

– Педагог. Физику в школе преподает.

– А отец?

– А отец в детско-юношеской спортивной школе тренером по дзюдо был, сейчас, кажется, на пенсии.

– Да. Два педагога, получается, сложили свои усилия. Ладно. Отца тоже поблагодари. Он сумел парня хорошо подготовить физически.

– Я тогда сегодня же, с вашего разрешения, позвоню.

– Да хоть сию секунду. Кто ж тебе не позволяет!

Старший лейтенант пошел по широкой лестнице выше. Дежурный по части развернулся и двинулся в сторону своей стойки, где пока оставил вместо себя помощника, сержанта комендантского взвода.

Пройдя половину второго пролета лестницы, Семипалатин обернулся и посмотрел на лейтенанта. Тот стоял посреди коридора и разговаривал с кем-то по сотовому телефону. Видимо, с матерью. Передавал ей слова командира взвода.

Младший сержант контрактной службы сапер Гвоздилин, говоря по правде, ничем не выделялся среди других солдат. Отзыв о нем был скорее авансом со стороны командира. Эти слова Семипалатина по цепочке обязательно дойдут до парня. Он будет стараться оправдать такое вот положительное мнение взводного о нем.

Игорю Витальевичу всегда нравилось, когда родители интересовались, как проходит службу их сын. Но он терпеть не мог, когда кто-то из них приезжал ребеночка навестить и пытался выклянчить для него всякие побрякушки.

Такое тоже случалось нередко. Особенно если кто-то из родителей занимал некий пост в армии или в полиции, а то и просто в какой-то администрации уровнем чуть повыше сельской. Чем ниже ранг чиновника, тем четче он осознает собственную значимость и незаменимость. Это давно уже стало правилом.

Игорь Витальевич не одобрял, но и не осуждал даже такое проявление родительской любви.

Глава 3

Начальник штаба сводного отряда спецназа, дислоцированного на Северном Кавказе, майор Лиговицкий ждал старшего лейтенанта, стоя перед окном, выходящим во внутренний двор военного городка. Если он находился там давно, то видел возвращение взвода, заметил и старшего лейтенанта Семипалатина, когда тот в гараж направлялся. Он мог подумать, что командир взвода идет в штаб, потому и отдал приказание лейтенанту, дежурному по части, направить его в штаб. За углом можно было повернуть как налево, в гараж, так и направо, в штаб.

– Разрешите, товарищ майор?

– Заходи, докладывай в общих чертах, что там не так пошло у вас, каким образом убийцы ушли от возмездия. А банда эта достаточно серьезная, самая, пожалуй, жестокая, с которой нам приходилось сталкиваться за последнее время. Жалости эти мерзавцы не испытывают ни к кому, ни к старикам, ни к детям.

– Так вы же сами все знаете, товарищ майор. Что же мне еще докладывать-то?

– Я знаю только по словам подполковника Газалиева. Он, кстати, о твоей работе хорошо отзывался, сказал, что ты очень грамотно действовал.

– Что следователь может понимать в правильности проведения армейских операций?

– Старший следователь, – поправил его начальник штаба.

– Какая разница! Факт остается фактом. Банда ушла, хотя и с потерями. Я со своими наличными силами организовать преследование не имел возможности. Там приходилось, пожалуй, по три бандита на каждого моего бойца.

– Ну, не надо возлагать на себя лишнюю вину. Не имел возможности. С этим не поспоришь. Так и напишешь в рапорте. Кстати, не забудь, что его следует писать в двух экземплярах. Второй для старшего следователя подполковника Газалиева. Он, кстати, с ментовским спецназом прибыл до или после появления нашего подкрепления?

– Сразу за ними.

– А преследование было все же организовано?

– Как только подкрепление прибыло, наши бойцы сразу пошли через дворы к реке, обыскали тугаи, но бесполезно. Только в двух местах нашли следы крови. Раненые к реке выходили. Она широкая, но самое глубокое место мне по колено. А на другом берегу тоже густые заросли. В них запросто можно засаду устроить. Переходить реку нам было опасно, хотя я и думаю, что бандиты, скорее всего, сразу в горы ушли. Они вообще очень организованно действовали, продуманно, без суеты.

– Но раненых с собой забрали. Значит, мобильность у них теперь ограничена. Раненых-то, кстати, много было?

– Трудно сказать. Огонь они при таком количественном превосходстве вели достаточно плотный, головы нам поднять практически не позволяли. Если бы не помощь подкрепления, то боевики вполне могли бы нас числом задавить. В прямом встречном бою у нас пять раненых, у бандитов – тринадцать убитых. Я думаю, что и раненых у них должно быть никак не менее десятка. Далеко не у всех этих отморозков есть бронежилеты. Они экономят на своих жизнях! Им же их командование не покупает. Сами о себе заботятся. Будь у всех них бронежилеты, то погибших было бы намного меньше или даже вообще ни одного.

– Ладно. Это все вопросы прошедшего времени. Об этом ты в рапорте подробно напишешь. А теперь о том, что касается будущего. Тебе предстоит плотно контактировать с подполковником Газалиевым. Я дал ему твой номер, он будет звонить и держать тебя полностью в курсе дела. Попытайся побыстрее определить месторасположение базы банды. Когда это сделаешь, я усилю твой взвод, вероятно, еще двумя. Ты будешь командовать уничтожением банд-

формирования, располагать едва ли не ротой. Тебе же все равно вскоре ее выделят для командования. Я об этом знаю. Вот и постажируешься.

– Я, товарищ майор, не слышал о таком.

– Ничего. Это не страшно. Еще услышишь. Все зависит от твоих действий в данной операции. Сумеешь себя с выгодной стороны показать – досрочно получишь очередное звание и роту под командование. Не справишься – будешь оставшиеся девять месяцев ждать повышения. Так что всё в твоих руках. А мне звонил лично твой командир бригады, про тебя расспрашивал, просил характеристику написать. Так что ты уж постарайся меня и себя не подводить, а то я напишу, пропою, можно сказать, тебе дифирамбы, а ты провалишься.

– Понял, товарищ майор. Я постараюсь.

После этого начальник штаба отряда пододвинул ближе к командиру взвода стопку бумаги, но без ручки. Старшему лейтенанту пришлось вытаскивать свою из кожаного офицерского планшета, чтобы написать два экземпляра рапорта. Зря он надеялся на то, что подполковник Газалиев решил без его рапорта обойтись, готов был удовлетвориться одним только стандартным протоколом свидетельских показаний.

Нельзя сказать, что старший лейтенант Семипалатин не любил отдыхать, не заниматься ровным счетом ничем. Он просто не умел этого делать, поэтому, вернувшись из кабинета начальника штаба в офицерский кубрик, расположенный в той же казарме, где спал сейчас его взвод, сразу взялся за дело: принялся алмазным бруском оттачивать свою малую саперную лопатку, и без того острую.

Лопатки вообще-то бывают разными. Некоторые из них сделаны из такого металла, который заточке вообще практически не поддается. Бывают и такие, что точатся отлично, только настолько же хорошо и тупятся. Их приходится каждый день подтачивать.

Лопатку с идеальным металлом найти бывает трудно. Некоторые спецназовцы, как знал Игорь Витальевич, за время службы с десятков лопаток меняли, пока не находили подходящую. Сам старший лейтенант Семипалатин уже три сдал на склад, но на четвертой остановился.

Знакомый офицер из штаба бригады подсказал ему, что первичную заточку лучше всего проводить на станке, потом вручную, обыкновенным бруском, а уже после этого доводить оселком с алмазным напылением. Сделав так первый раз и убедившись в том, что лопатка приобрела должную остроту, Семипалатин передал свои умения солдатам взвода. У них имелось несколько алмазных оселков, которые передавались от одного бойца другому, а точильный станок был и в помещении роты, и в казарме сводного отряда.

Завершив обработку лопатки, Игорь Витальевич принялся за нож. Здесь работы было намного меньше. Он давно уже был наточен соответствующим образом, потому это привычное дело много времени не отняло.

Отбоя как такового во время командировки у бойцов не было, потому что работать им порой приходилось как днем, так и ночью, случалось даже, что по несколько суток подряд. Когда командир отсылал взвод на отдых, солдаты сразу же засыпали. Они хорошо знали, что в любой момент могут быть подняты на очередной выезд или даже вылет. Спецназовцы поднимались только для того, чтобы под командованием старшего сержанта Колотушкина сходить в столовую на завтрак, обед или ужин.

В предыдущую командировку тогдашний начальник штаба отряда относился к нарушениям дисциплины довольно лояльно. Поэтому бойцы в те времена шли в столовую просто большой группой, иначе и точнее говоря, толпой. Майор же Лиговицкий сразу показал свою приверженность армейским порядкам. В результате взвод теперь сначала строился, а потом уже отправлялся в столовую, как оно в армии и положено.

Сам же командир взвода за годы службы привык к выполнению распорядка дня. Когда его солдаты отдыхали, он искал себе занятие. В этот раз у него оставалось свободное время до привычного сна не днем и вечером, а ночью. Поэтому старший лейтенант решил навестить своих раненых бойцов, находившихся в медсанчасти, расположенной в одном здании со штабом, но с отдельным входом-выходом.

Он пошел туда, но в палату его не пустили. В медсанчасти отбой объявлялся по расписанию, на час раньше, чем в привычной обстановке батальонной базы.

Однако с дежурным врачом хирургического отделения старший лейтенант все же поговорил. От этого эскулапа так сильно пахло спиртом, что Семипалатину невольно подумалось, что он использует его не только для промывки медицинских инструментов и рук после операции. Но это был, говоря честно, вопрос не его компетенции, тем более что врач носил майорские погоны, следовательно, званием был старше Игоря Витальевича.

Разговор у них все-таки получился. У четверых солдат ранения были относительно легкими. Пули прошли навывлет через мягкие ткани, не повредив кости. Значит, эти парни будут, скорее всего, служить дальше после полного выздоровления.

Только одному бойцу взвода пуля угодила в скулу, пробила ее и вышла через ухо. Доктор сказал, что повреждения серьезные. Скорее всего, этот солдат до конца жизни останется глухим на одно ухо. Это грозило парню не только инвалидностью, но и многими сопутствующими неприятностями в личной жизни. К тому же входное отверстие пули сильно изуродовало его лицо.

И вообще, так уж получилось, что все раненые были солдатами срочной службы. Это обстоятельство лишний раз подтверждало твердое убеждение командира взвода в том, что за современный годовой срок службы подготовить из обычного парня качественного спецназовца невозможно.

Этот вопрос, конечно же, не относился к его компетенции, однако старший лейтенант Семипалатин собирал статистику не только по своему взводу, но и по всему батальону. Эти цифры убедительно говорили о том, что девяносто процентов ранений приходится именно на солдат срочной службы, которые порой суежились под обстрелом и не умели правильно укрыться. Контрактники получали ранения гораздо реже, только в исключительных случаях.

А уж о погибших бойцах и разговор не велся. Солдаты гибли в бою несравненно реже офицеров или, скажем, прапорщиков, находящихся на командных должностях, что само по себе и не удивительно. Командиры всегда стараются оберегать солдат, часто берут на себя ту работу, которую не доверяют им как раз из-за высокой степени ответственности и риска.

Вернувшись после разговора с дежурным хирургом в казарму, старший лейтенант задумался о дальнейшей судьбе солдата, получившего ранение в голову. Чем теперь этому парню заниматься на гражданке? Ведь его, глухого на одно ухо, даже на работу никуда не возьмут.

Потом он принял душ, устроенный прямо в офицерском кубрике.

Вслед за этим к нему пришли два лейтенанта. Это были те самые командиры взводов, которые сегодня приезжали в райцентр в подкрепление взводу Игоря Витальевича.

– Начальник штаба нам сейчас хороший нагоняй устроил, – пожаловался лейтенант Субботин.

– Удивлялся, как это мы умудрились ни одного бандита не догнать в тугаях, – добавил лейтенант Яковлев. – Тебе тоже, наверное, от него досталось.

– Да нет, со мной он как-то вполне мирно беседовал. Только рапорт написать заставил, да и все.

Семипалатин как раз к этому моменту разделся, положил на тумбочку смартфон и забрался под одеяло.

– Так нас-то за что гонять! – продолжил Субботин. – Мы же этих бандитов и в глаза не видели. Они ушли из райцентра перед нашим приездом.

Игорь Витальевич лег на бок, подsunул по привычке руку под подушку и натянул одеяло на голову, показывая, что продолжать разговор не намерен.

Но все же он не удержался и сказал:

– Командованию всегда виднее, кого и за что гонять. На то оно и командование! Давно пора уже привыкнуть. Вот станете майорами, тоже будете лейтенантов шугать.

Эти парни были из разных бригад, служили далеко от Семипалатина. Возможно, Субботин не знал то, насчет чего был в курсе старший лейтенант. Ему было точно известно, что лейтенант Яковлев является родным племянником майора Лиговицкого. Поэтому он предпочитал избегать всяких разговоров о командовании, которые могли быть переданы начальнику штаба. Просто так, во время самого обыкновенного, чисто родственного разговора по душам, даже без какого-то недоброго умысла.

Игорь Витальевич умел заставлять себя заснуть по приказу и подняться в нужное время. Он обязательно просыпался самое большее через четыре часа. Если Семипалатин валялся в кровати дольше, то у него начинала ныть спина, три года назад поврежденная при прыжках с парашютом в высокую, превышающую человеческий рост, траву.

Такое место приземления было выбрано командованием специально, чтобы отработать у солдат и младших офицеров умение правильно определять момент, когда ноги коснутся земли. Игорь Витальевич в тот раз неправильно рассчитал момент приземления. Он попал на неровный каменистый бугор, где трава была ниже, и не смог самостоятельно подняться на ноги.

Но бойцы, которые прыгали после старшего лейтенанта, тогда только-только получившего это звание, видели сверху момент его приземления и поняли, что с ним произошло нечто неприятное. После приземления взводу предстояло сначала закопать свои парашютные купола, а потом совершить десятикилометровый марш-бросок.

Все эти десять километров бойцы взвода, время от времени меняясь, тащили своего командира на плащ-палатке. Так они и принесли его на полигон, где проходили зачетные стрельбы. А потом, в завершение учений, солдаты должны еще и в обратную сторону бежать, чтобы парашюты откопать, сложить и вернуть на склад. Так они не только свои принесли, но еще и парашют командира взвода, который сами же и закапывали.

А он в это время докладывал комбату об успешном завершении учений.

– Слышал я, что ты сам приземлился не совсем удачно, – сурово сказал тот. – Поговаривают, что тебя на плащ-палатке солдаты принесли. Как ты сейчас? Здоров?

– Так точно, товарищ подполковник! Я совершенно здоров, приземлился штатным порядком. Только решил солдатам нагрузку увеличить, не предупреждая их заранее. Поэтому они меня и несли аж до стрельбища. А дальше я уже сам, своим, так сказать, ходом.

Знал бы комбат, почему старший лейтенант перед ним стоит такой бледный. В этот момент Семипалатин опасался только одного – потерять сознание от болевого шока.

Спину он себе потом лечил самостоятельно, выискивал в сети Интернет различные народные методы и все-таки добился своего. Спина болела два года, зато потом ему было очень даже странно чувствовать себя здоровым. Без привычной боли старшему лейтенанту словно бы чего-то не хватало. Но она снова начинала ощущаться, если он не вставал сразу после пробуждения.

Однако в эту ночь ему основательно уснуть сразу так и не удалось. Помешал телефонный звонок.

Номер абонента, высветившийся на экране, был незнаком старшему лейтенанту, однако он, несмотря на поздний час, все же ответил на вызов:

– Старший лейтенант Семипалатин. Слушаю вас внимательно.

– Так у тебя, старлей, фамилия все же какая, Семипалатин или Семипалатов? А то мне второй вариант записали.

– Кто это спрашивает? – спросонья сердито пробубнил в ответ старший лейтенант.

Однако ему показалось, что он узнал отдельные нотки в голосе, который наверняка раньше уже слышал.

– Ах да, я же сам не представился. Майор юстиции Гадисов Исмаил Садыкович. Я помощник подполковника Газалиева.

Да, точно, именно так. Этот человек стоял на крыльце дома подполковника полиции Темирова и разговаривал с Абдул-Меджидом Ниязовичем, когда во двор вошел командир взвода военной разведки. Вспомнил старший лейтенант и внешность этого майора. Он был высокий, худой и очень бровастый. У него над глазами висел буквально целый дремучий лес.

– Вообще-то, товарищ майор, моя фамилия Семипалатин. Но меня иногда называют и так, и так. Я не обидчивый. Вообще считаю, что грех дуться на людей из-за отсутствия у них памяти. Итак, чем я могу быть вам полезен, товарищ майор?

– Вообще-то, говоря честно, это я хочу быть тебе полезным. Ты же занимаешься поисками банды. Вот мне и приказали всю появившуюся информацию тебе докладывать.

– Я слушаю вас, товарищ майор.

– Значит, так. Начнем по порядку. Ты сам видел, старлей, громадную лужу крови на крыльце дома Темирова.

– Так точно, видел.

– Я тогда еще предположил, что она слишком велика для того, чтобы вытечь из одного человека.

– Я тоже так подумал, когда мимо нее проходил.

– Ты совершенно правильно подумал. Я только что получил результаты из лаборатории судебно-медицинской экспертизы. В заключении сказано, что в луже кровь трех человек. Двух, нам неизвестных, и того, который рядом с крыльцом валялся.

– Может, один из двух тот, который в доме за дверью лежал?

– Нет. Это проверено. Там совсем другой человек был. У него из головы извлекли две пули. Еще две, которые через нее прошли, были вытащены из стены. Они не принадлежат известному нам оружию, имеют калибр семь целых шестьдесят две сотых миллиметра. Кстати, автомат самого подполковника Темирова калибра пять сорок пять находится в оружейке, расположенной рядом с комнаткой дежурного по райотделу МВД. Бандиты туда не входили. Они в дежурного и его помощника через фонарь из оргстекла стреляли и автоматы в оружейке не тронули. Мы их потом по номерам проверяли. Они все на месте, кроме тех, что были у дежурного наряда. Он выезжал в отдаленный аул на происшествие – семейные разборки с поножовщиной, в перестрелке, приключившейся в райцентре, участия не принимал, но до сих пор почему-то не вернулся. Не пришла назад еще и машина «Скорой помощи», вызванная в тот же аул. Значит, стрелять Исрафил Надирович мог только из штатного пистолета. Но тот зарегистрирован в республиканской пулегильзотеке и никак не отметился в этой трагедии. А результаты исследования пуль, извлеченных из головы бандита и из стены, мы получим из Всероссийской пулегильзотеки часа через два, не раньше. Обещали через три, но час уже прошел. Ничего, что я ночью побеспокою, сообщу, если будет что-то важное? Как, старлей?

– Ничего, товарищ майор. Служба у нас такая.

– У нас тоже.

По голосу майора похоже было, что он радовался тому обстоятельству, что старший лейтенант согласился на поздний звонок. Была в этой радости какая-то толика садизма, как показалось Семипалатину.

Да, старший лейтенант Семипалатин согласился, но про себя подумал, что пока майор не передал ему никаких данных, которые не могли бы потерпеть до утра.

– В настоящий момент патологоанатомы извлекают пули из того тела, которое рядом с крыльцом валялось. Наверное, уже закончили. Результаты мне пока не доложили. Как что-то будет, я тоже сообщу, – проговорил Гадисов.

– Хорошо, товарищ майор. А где в настоящий момент находится подполковник Газалиев?

– Ты хотел бы с ним лично пообщаться?

– Нет, просто спросил.

– Он там же, в райцентре остался. Опрашивает ментов, которые вчера вечером уже со службы ушли, и местных жителей. Кстати, грузовики, на которых бандиты приехали, были еще вчера утром захвачены в составе целой колонны. Они перевозили в горный аул стройматериалы. Тогда три грузовика бандиты забрали, разрешили водителям стройматериалы перегрузить на другие машины и уехать. Где они эти грузовики в течение двух часов прятали, неизвестно. Сейчас наш сотрудник тех водителей допрашивает.

– Странная история, – заметил старший лейтенант Семипалатин.

– Нет здесь ничего странного, – не согласился майор следственного управления. – Обычное дело. Мы с подобным ежемесячно сталкиваемся.

– Вы не заметили несоответствия, товарищ майор?

– Какого несоответствия, старлей?

– В манере поведения банды на дороге и в поселке.

– В чем здесь несоответствие?

– В поселке бандиты расстреливали всех направо и налево. Не жалели никого, ни малолетних детей, ни стариков. А на дороге отпустили водителей.

– Да, здесь действительно есть что-то. Но я думаю, что все идет от приказа. Один человек приказал действовать помягче, второй – предельно жестко. Вот и все несоответствие.

– Кстати, товарищ майор, а что там за люди вчера приходили, скандалили в доме? Вы тоже наверняка крики слышали. Родственники?

– Это родители убитой жены подполковника Темирова. Мы хотели в соответствии с законом до оформления опекунства маленького мальчика в приют определить, а старик со старухой пожелали его сразу к себе забрать.

– На чем остановились?

– Так они же опекунство все равно оформят. Незачем ребенка травмировать лишний раз. Ему и так с рождения досталось, практически сиротой остался. Что с его отцом-то, неизвестно. Подполковник Газалиев приказал отдать старикам ребенка, пока отец не отыщется. Если вообще отыщется. А то есть подозрения, что он бандой теперь и руководит. Но это еще не факт.

Глава 4

Завершив разговор с майором Гадисовым, старший лейтенант Семипалатин снова лег и начал обдумывать сегодняшнее происшествие. Поэтому он сразу не заснул, просто не давал себе такого приказа, хотел с ясной головой все осмыслить.

А подумать было о чем. Старший лейтенант должен был наметить перспективные пути поиска банды. Мысли об этом будоражили его, не позволяли уснуть.

Хорошо, наверное, что он не уснул, потому что буквально через пять минут ожил его телефон.

– Вечер добрый, Игорь Витальевич. Подполковник Газалиев беспокоит.

– Какой же вечер, товарищ подполковник? На дворе уже ночь давно стоит.

– Разбудил? Ну, извини, старлей. Мы привыкли по горячим следам работать, потому за временем порой вообще не следим.

– Мы тоже, товарищ подполковник. Слушаю вас. Что-то случилось?

– Можешь сейчас взвод поднять?

– Если будет приказ от моего непосредственного командования, то без проблем. Но сам я поднимать взвод имею право только для проведения плановых тренировочных занятий, а в боевой обстановке, в командировке то есть, мы этим практически не занимаемся. Вам известно, что все вопросы боевого использования личного состава решаются через командование.

– Я надеюсь, что приказ будет. Я еще не разговаривал с майором Лиговицким, но сейчас позвоню ему. Не думаю, что он откажется. Если вдруг так и произойдет, то буду в антитеррористический комитет звонить. Уж ему-то ваш начальник штаба отказать никак не сможет. Он просто права такого не имеет.

– А что произошло?

– Здесь в горах, не так и далеко, работает бригада монтажников. Они ставят новую вышку сотовой связи. Бандиты традиционно не трогают их, потому что сами услугами связи постоянно пользуются. Даже были случаи, когда боевики заходили к монтажникам чайку попить. А вот к нынешней бригаде машина шла с продуктами. Бандиты остановили ее и разграбили. Основную часть продуктов они унесли на своих плечах, не взяли только свиную тушенку, часть коробок с банками даже в пропасть сбросили. Их было шесть человек. Расстреливать водителя они не стали, отпустили его вместе с машиной и мастером участка, который продукты питания и закупал. Этот мастер сразу позвонил в райотдел, оттуда сообщили мне. Продуктов много. Бандиты, как я уже сказал, их на себе потащили. Быстро передвигаться, следовательно, они не могут. У тебя есть возможность их догнать. Я бы и сам организовал преследование, но в моем распоряжении только отделение спецназа МВД. А ты сам знаешь, что это за вояки. Их только на смерть посылать можно. Гарантированно головы сложат. Для серьезного дела они не годятся, попросту не потянут боя против опытных вояк.

– Не надо ментов привлекать. Звоните майору Лиговицкому, товарищ подполковник. А я пока взвод подниму и подготовлю. В каком месте совершено нападение? Мне бы карту.

– Я со своей картой по дороге тебе навстречу выеду.

– А это не опасно?

– Там сейчас спокойно должно быть. Это же не горы, а только предгорья. Боевики в горах работают. Тем более что ночь уже. Бандитам и детям в это время спать положено. Думаю, на главной дороге и менты смогут охрану организовать. Я на грузовике буду, как твои бронетранспортеры увижу, просигналю фарами.

– Хорошо, товарищ подполковник. Только я еще не знаю, поедем на транспортерах или на БМП. Что нам выделяют.

- Тогда, как выедешь, перезвони мне, предупреди.
- Хорошо, товарищ подполковник.
- Если у тебя все, то конец связи.
- У меня есть кое-что в голове, но я это лично вам сообщу. Конец связи.

Старший лейтенант Семипалатин поднялся легко, словно и в самом деле выспался. Стараясь не разбудить лейтенантов Субботина и Яковлева, он вышел в солдатскую казарму, нашел кровать старшего сержанта Колотушкина, тронул того за плечо.

Заместитель командира взвода проснулся сразу.

– Сережа, поднимай взвод, – услышал он.

Колотушкин тут же вскочил. Он не хотел будить других солдат, спавших в казарме, стал обходить своих, трогал каждого за плечо точно так же, как командир его самого. Все тихо, без суеты, по-деловому.

После этого Игорь Витальевич вернулся в свой кубрик, захватил с собой смартфон и отправился в умывальник. Принимать душ старший лейтенант не стал, только тщательно умылся холодной водой и намочил короткие непослушные волосы.

Едва он успел вытереться, как зазвонил телефон.

- Игорь Витальевич, ты взвод уже поднял? – осведомился майор Лиговицкий.
- Так точно, товарищ майор! Бойцы готовы к выезду. Наверное, уже построились.
- Я в гараж уже позвонил. Три новеньких бронетранспортера вам выделяют. Куда ехать, знаешь?
- Пока довольно приблизительно. Но подполковник Газалиев обещал меня с картой в руках на дороге встретить.

– Понятно. Тебе на планшетник карту округи сбросить?

– У меня уже есть. Я думаю, она охватывает все окрестности.

– Добро. Проверь готовность взвода и выезжай, как только транспортеры прибудут. Их сейчас заправляют. На КПП я уже позвонил. Вас выпустят.

– Понял, товарищ майор. Работаю.

– Докладывать не забывай. Конец связи.

– Конец связи, – подтвердил командир взвода.

Одеться и вооружиться старшему лейтенанту было не долго. Он вышел в длинный казарменный коридор. Свет горел только возле входной двери. Там, в конце коридора, и был выстроен взвод. Старший сержант Колотушкин проверял, как обычно, готовность бойцов, чтобы ни у кого в рюкзаке или в под сумках разгрузок ничего не звякнуло.

– Лопатки проверил? – спросил старший лейтенант таким тоном, словно готовился вести взвод в рукопашную схватку.

– Конечно, – отозвался заместитель. – В первую очередь. Я всегда с лопаток начинаю, чтобы, в случае каких-то неполадок, можно было подточить их.

Семипалатин прислушался. Через распахнутые двери шум двигателей бронетранспортеров еще не доносился.

– Как закончишь, выводи взвод на улицу. Транспортеры придут, сразу на броню и вперед. Держаться крепко. Будем гнать. Время нас поджимает.

Старший сержант даже не спросил, куда и по какому делу выезжает взвод. Он знал, что командир при необходимости сам все сообщит.

– Есть заканчивать проверку! – сказал Колотушкин и жестом потребовал, чтобы очередной боец попрыгал.

Командир взвода вышел из казармы и сел на скамейку около крыльца. Он мысленно ругал дежурного по гаражу, который, похоже, не слишком торопился отправить транспортеры

за взводом. Наконец-то послышался звук приближающихся машин. Одновременно на крыльцо по отделениям, без спешки, вышел взвод.

– Все нормально? – спросил командир заместителя.

– Так точно! Только я не успел в медсанчасть сходить. Хотел с утра, до завтрака наших раненых навестить.

– Я сходил, – сказал старший лейтенант.

– И как они там? Все пятеро – опять срочники. Отсюда на комиссию пойдут.

– Нет, Сережа, у четверых пробиты только мягкие ткани. Будут дослуживать, как на ноги встанут. Только у одного кости черепа повреждены и слуховой аппарат разрушен. Он на одно ухо навсегда глухим останется.

Обычно медики комиссовали только тех парней, у которых были поражены кости скелета или какие-то внутренние органы. А с ранениями мягких тканей бойцы иногда даже поле боя не покидали. Такие повреждения грозили только потерей крови.

В этих случаях немедленно вступали в дело санинструкторы, которые были в каждом взводе. Они обязательно накладывали на рану тугую повязку, ставили укол какого-либо коагулянта, повышающего свертываемость крови.

Правда, санинструктор во взводе был новый. Прежний являлся солдатом срочной службы и демобилизовался. Этот служил по контракту, однако в серьезном бою проверен еще не был. Первых пятерых раненых он перевязал вовремя, сделал все нормально. Ну а к тому, что дальше будет, старший лейтенант присмотрится.

В его практике уже был случай, когда во взвод прислали контрактника пулеметчиком. Однако этот фрунт даже не стремился содержать свое оружие в чистоте. Игорь Витальевич сначала предупредил пулеметчика, а потом написал рапорт на имя комбата. Парня перевели в оружейный ремонтный цех, а во взвод прислали нового бойца, тоже контрактника, который со своими обязанностями справлялся куда лучше предыдущего.

Уж что-что, а оружие у спецназовца всегда должно содержаться в идеальном состоянии. Это было твердое убеждение Семипалатина. Он сам часто проверял чистоту стволов, смазку механизма автоматов, да и старшего сержанта Колотушкина приучил к тому же. Короче говоря, каждый специалист во взводе должен был свое дело знать досконально.

По машинам бойцы разместились стремительно, со знанием дела. Никто не спрашивал, куда именно ему садиться. Первый бронетранспортер традиционно был предназначен для первого отделения. В башне этой же машины находился командир взвода. Вместе с третьим отделением ехал заместитель командира взвода старший сержант Колотушкин. Он тоже располагался в башне.

Члены экипажей бронетранспортеров носили оснастку «Ратник», как и все остальные бойцы. Следовательно, они легко включались во внутривзводную систему связи.

– Все расселись? – спросил старший лейтенант, не высовываясь из башни.

– Так точно! Все, – ответил старший сержант Колотушкин.

Чтобы ответить на вопрос командира, ему, видимо, пришлось из башни все же выглянуть.

– Поехали!

Ворота КПП при приближении небольшой колонны бронетранспортеров распахнулись настежь. Сержант комендантского взвода, придерживающий створки, помахал рукой, желая удачного пути. Все было точно так же, как обычно.

– Куда едем? – по связи спросил механик-водитель.

Старший лейтенант узнал голос, но все же наклонился и посмотрел. Ну да, именно с этим парнем взвод и выезжал в райцентр.

– Туда же. Дорогу помнишь?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Тут трудно заблудиться. На пути только один поворот есть, в сторону Чиркейского водохранилища, но нам туда не надо. Как дорога петлю

нарисует, нам по берегу Сулака, мимо Чиркаты и Тантари. Вначале вообще можно по старой дороге ехать. Это гораздо быстрее будет. Мы там не застрянем. Уже проезжали вчера. Хоть и в светлое время суток, но разница невелика. Я маршрут помню.

– Да. Примерно так, – сказал старший лейтенант и замолчал.

Он не хотел продолжать разговор с механиком-водителем, у которого только минувшим днем бандиты сожгли старый БТР, а он уже на новом ехал, чувствовал себя превосходно и даже радовался жизни. Сам старший лейтенант Семипалатин, в отличие от большинства спецназовцев, был человеком не суеверным. Однако он отдавал себе полный отчет в том, что минувшим вечером этот самый парень сумел занять такое место, что бандиты в него попали. Не стоило посылать этого разговорчивого механика-водителя вместе с машиной в самое пекло, где он себя вести, по сути дела, не умел. Не хватало, видимо, парню настоящего боевого опыта.

Машины ехали быстро. Несмотря на восемь колес и, соответственно, такое же число амортизаторов, внутри тряска очень даже ощущалась. Это все из-за разбитого и годами не ремонтируемого полотна дороги.

Не так давно, меньше месяца назад, старший лейтенант выезжал со взводом в Чечню. Казалось бы, совсем рядом. По этой же дороге вначале ехали. Но как только оказались в соседней республике, это сразу почувствовалось по прекращению тряски. В Чечне дороги были несравнимо лучше. Однако в этот раз им добираться так далеко необходимости не было.

Где-то через час, когда уже почти полностью рассвело, Семипалатин увидел на дороге высокого худощавого человека в синем мундире, который крест-накрест поднимал над головой руки. Мигал фарами грузовик, стоявший неподалеку, у ската горы. Командир взвода узнал подполковника Газалиева.

– Остановивайся! – отдал старший лейтенант приказ механику-водителю.

Приказ прозвучал по системе внутривзводной связи и был услышан во всех бронетранспортерах. Поэтому остановились все три, один за другим.

Старший лейтенант Семипалатин выбрался через люк на броню, спрыгнул на дорогу.

– Здравия желаю, товарищ подполковник!

Газалиев выглядел заспанным и уставшим. Похоже было, что он всю ночь работал, но потом все же слегка задремал в машине, когда выехал встречать колонну спецназа. Кто-то разбудил его только при появлении впереди колонны бронетранспортеров.

– Приветствую, Игорь Витальевич, – сказал подполковник, достал из кожаного планшета карту, протянул ее старшему лейтенанту, ткнул пальцем в обозначение дороги. – Вот место, где мы сейчас находимся. Здесь и была остановлена машина монтажников сотовой сети. Я специально приказал дальше не ехать. По словам водителя и мастера участка, бандитов было шестеро. Все вооружены старыми АК-47. Но не стреляли. Видимо, владели информацией о том, что именно перевозила машина, быстро разгрузили ее. Командовал всем один человек, свободно владеющий аварским языком, но по национальности он явно не аварец. Так водитель говорит. Он сам аварец и понимает, когда с ним разговаривает человек другой национальности. А с остальными пятерыми он общался по-арабски. Водитель арабским вообще не владеет. Только мастер участка чуть-чуть знает. На бытовом уровне. Он в командировке когда-то в Египте был. Там вышки ставил. Вот и пришлось изучить. Уверенно говорит, что они и между собой на арабском общались, хотя сути беглого разговора он уловить не сумел.

– Очень хорошо. Значит, здесь находятся наемники-арабы. Это означает, что наша армия имеет полное право вступить в данное дело. А спецназ военной разведки – это и есть армия, – констатировал старший лейтенант. – Все согласно нашей военной доктрине.

– Да, предположительно наемники, – согласился старший следователь. – Среди тех бандитов, которые первыми в райцентре появились, тоже было трое наемников. Европейцы. Скорее всего, поляки или украинцы. Один из сотрудников полиции был только ранен, сознания не

потерял, прикинулся мертвым и слышал, как они между собой разговаривали. Похоже, говорит, на русский, но не более того. Он и предположил, что это поляки или украинцы. Но сейчас вопрос не в этом. Шестеро бандитов наставили автоматные стволы на машину с продуктами, остановили ее и разгрузили. Они заставили водителя и мастера участка им помогать. Потом взвалили коробки на плечи и понесли сначала по той же дороге. Туда, откуда вы приехали. В ту сторону. Мы уже часть их маршрута смогли отследить. Понесли они весь груз. Даже срубили четыре молодые елки и сделали двое носилок. Через какое-то время бандиты остановились на привал и решили, видимо, что часть продуктов питания им лучше нести в своих желудках. Так они меньше места будут занимать. Боевики вскрыли несколько коробок с тушенкой, но она оказалась свиной. Они выбросили ее, но не всю. Часть все же унесли. Это еще раз убеждает нас в том, что в банде есть и наемники-европейцы, которые свинину едят.

– Да, соглашусь с этим, – сказал старший лейтенант. – Вывод можно сделать только такой.

– Мы пытались найти место, где бандиты свернули с дороги в горы, но не сумели. Да, с ментовского спецназа толку нет никакого. Так, одно название. Еще форма с надписью на спине. Но теперь определить место поворота в горы – это уже ваша задача. Я надеюсь, что в твоём, старлей, взводе есть следопыты.

– У меня есть трое таких парней. Они дети настоящих охотников-промысловиков, с детства тайгу знают и умеют следы читать. А уж если там ходили, то здесь куда проще. Все открыто. Мы поищем.

– Тогда у меня все. У тебя что-то есть? Ты, насколько я помню, что-то хотел лично сообщить мне при встрече.

– Да. Есть у меня некоторые соображения по поиску банды. Вы, насколько я помню, забрали с собой сотовые телефоны убитых бандитов.

– Точно так. Забрали.

– Номера известны?

– Телефоны увез на экспертизу майор Гадисов. Он мне уже звонил. Только один аппарат из всех имеет регистрацию в России. То есть номер его начинается с плюс семь. Большая часть остальных имеет код девяносто – это Турция. Есть еще девятьсот шестьдесят два, девятьсот шестьдесят три, девятьсот шестьдесят шесть и плюс девятьсот семьдесят два.

– Иордания, Сирия, Саудовская Аравия и Израиль, – бодро, как на уроке, продемонстрировал Семипалатин свою память.

– Да. Точно так. Отличная у тебя память, старлей. Мне бы такую. У нас номера этих операторов работают в международном роуминге. Это, конечно же, весьма затратно. Мы проверяли звонки по России, если ты это имел в виду. Нет таких. А что касается оплаты, то деньги на счета поступают из-за границы. Так, когда телефон с израильским номером уже был у нас в руках, поступил платеж на пятьсот долларов. Даже смс-сообщение по этому поводу пришло. На английском языке. На остальные счета деньги пока не поступали. Но тебя, я думаю, не платежеспособность бандитов волнует, а их звонки внутри России.

– Это тоже важная, но пока второстепенная задача. Главная, я думаю, состоит в том, чтобы организовать биллинг. Возможно это сделать на территории России с номерами зарубежных операторов связи? Я, честно говоря, не знаю.

– Я тоже не в курсе. Мы с таким делом еще не сталкивались. Как-то мысль до этого не доходила. Но я тебя понял. Если аппарат с зарубежным номером оказывается в России, то он обслуживается в роуминге уже нашими операторами. Возможно, они смогут провести биллинг этих телефонов.

– Так точно, товарищ подполковник. Следует особо отметить районы, где все телефоны собирались вместе. Там и должен быть базовый лагерь бандитов. Хорошо бы подсчитать все аппараты, оказавшиеся в том месте. Так мы сможем определить общую численность банды.

Узнав, где находится база, мы запрем их там и уничтожим. Это уже будет делом техники. Скорее всего, авиационной. Вертолетам-штурмовикам здесь работать удобно.

– Добро. Я сейчас же созвонюсь с майором Гадисовым. Пусть он этим вопросом плотно займется. Тут главное – не опоздать.

– Возможность опоздать, как я понимаю, станет реальностью, когда бандиты поймут, каким способом мы их можем вычислить. Тогда они выключат свои телефоны и сменят место дислокации.

– Да. Ты отправляйся на поиски группы, которая занималась продовольственным обеспечением банды. А я сейчас же потороплю Исмаила Садыковича. Пусть он срочно этот вопрос решает. Сам поеду назад, в райцентр. Я уже запросил последние дела, к которым имел отношение подполковник Темиров. Наверное, мне уже все подготовили. Меня сильно интересует вот какой вопрос. Почему все люди, находившиеся в его доме, были расстреляны? И где он сам? Мы не нашли следов его крови ни в одном месте. Бандиты будто бы берегли подполковника. Я не знаю, когда они расстреливали членов его семьи. Еще в присутствии самого Темирова или уже после того, как его увели? Здесь вообще момент какой-то странный. С ним еще предстоит разобраться.

– Позже разберемся, товарищ подполковник. Когда с бандой покончим, и с Темировым все выясним, – сказал, как будто пообещал, старший лейтенант Семипалатин.

Глава 5

Эмир Рамазан Ахмедович Сиражутдинов хорошо помнил тот день, когда охранники привели к нему нового бойца отряда. Этот парень только что добрался до Сирии через Азербайджан, Грузию и Турцию и очень хотел быть полезным своим братьям по вере, ведущим неравную борьбу против всего, противного исламу в этой жизни.

Знающие люди тогда уже предупредили Рамазана, что парень этот – бывший омоновец, однако неисправимый романтик. Он искренне верит в то, что говорит, и в то, что слышит. Конечно, только если хочет верить.

Но пришел он в отряд в то время, когда многие стремились его покинуть. Сначала удача отвернулась от повстанцев в Ираке. Потом точно такая же беда приключилась с теми силами, которые противостояли режиму Асада в Сирии.

Даже сам Рамазан Ахмедович Сиражутдинов начал уже подумывать о том, как бы ему перебраться поближе к дому, то есть вернуться в Россию. Но для того чтобы получить в этом поддержку и, что немаловажно, финансирование от командования «Джебхат ан-Нусры», требовалось предложить свой план действий. Эмир начал неторопливо продумывать его, прикидывал самые удобные для него лично моменты применения сил отряда в России.

План начал созревать. Особенно хорошо он просматривался в финальной своей стадии. Но вот начало давалось эмиру Сиражутдинову с большим трудом. Он слишком давно не был дома, подзабыл уже многое из того, что когда-то знал. Всю обстановку в Дагестане этот человек видел предвзято, словно через очки с неподходящими диоптриями, когда разбираешь вроде бы все, но весьма расплывчато.

А тут пришел в отряд человек, который добрался сюда, в Сирию, в одиночку, миновал всяких вербовщиков и пограничные посты. Он назвался Рагимом Хасбулатовым и даже документы свои предъявил, в том числе паспорт и удостоверение старшего прапорщика районного ОМОНа, которое сдать в полицию не поторопился.

Рагим даже не увольнялся из полиции. Он просто нанюхался растертого в порошок канцелярского клея, после чего обратился в районную больницу с жалобой на насморк. Мол, не проходит уже два месяца и сопровождается сильной головной болью. Докторша выписала ему больничный лист с классическим диагнозом – хронический гайморит.

Вместо того чтобы лечиться, Рагим подался в бега, но при этом даже дома сказал, что поедет в Махачкалу, к знакомому врачу, работавшему в гражданской больнице, а не в госпиталь МВД, куда ему советовали обратиться сослуживцы.

Естественно, удостоверение он сдавать был не намерен, да никто этого от него и не требовал. С таким документом было удобно добираться до границы с Азербайджаном. Дальше ему это удостоверение не было нужно. В той же Грузии оно могло бы вызвать негативную реакцию. Однако бывший старший прапорщик документ не выбросил, решил, что это удостоверение может кому-то еще сгодиться в том мире, в который он уходил по доброй воле.

Эмир как раз рассматривал его документы, одновременно покуривал кальян, когда охранники доложили ему о том, что кандидат в новички доставлен.

– Вводите его, – распорядился эмир. – А сами за дверь оставайтесь на всякий случай.

Два моджахеда из ближнего окружения эмира молча вышли из помещения. Они хорошо знали обычную осторожность своего командира, поэтому не удивились приказанию оставаться за дверь.

Из-за этой осторожности никто не знал настоящего имени эмира. Боевики, служившие ему, часто называли свой отряд «Аль-таиб», что означало «Это лекарь». Но вот от каких болезней этот доктор лечил, не мог бы сказать никто.

Название это придумал сам эмир Рамазан Ахмедович Сиражутдинов. Какое-то время назад в отряде ходили слухи о том, что он по образованию врач и был даже каким-то медицинским светилом.

Но однажды эмиру пришлось во время боя перевязывать раненого командира одного из джамаатов. Моджахеды убедились в том, что их эмир даже бинтовую повязку толком наложить не умеет. Правда, некоторые говорили, что для врачей высокого ранга это и не обязательно. Они оперируют, а повязки накладывают медицинские сестры. Это походило на правду, но мало кого убедило. Кем был их эмир раньше, боевики так и не выяснили.

Моджахеды запустили в комнату к эмиру Рагима Хасбулатова. Предварительно они обыскали его и отобрали все оружие, вплоть до перочинного ножа, чем добровольца слегка смутили и даже несколько насмешили.

Рагим вошел в полутемную комнату и осмотрелся. Справа от двери стояла кровать, по внешнему виду совсем не мягкая, не сибаритская. Слева расположились металлические сейфы, обычно называемые несгораемыми шкафами. Если в случае пожара сгорает все вокруг, то их содержимое остается целым. В левом дальнем углу стояла маленькая софа. Перед ней на журнальном столике булькал кальян.

Сам эмир сидел за письменным столом прямо против входа. Он склонился над картой и делал какие-то выписки в большую и толстую общую тетрадь. Сиражутдинов изображал, что он очень, просто чрезвычайно занят, но все же нашел время на то, чтобы поговорить с новым моджахедом своего отряда.

По большому счету все это было лицемерием. Но эмир всегда считал, что для достижения цели хороши бывают все средства.

Цель его была достаточно прозрачной и четко просматривалась. Она состояла в стремлении внушить уважение моджахедам отряда. Только люди ближайшего окружения эмира знали, что он предпочитает проводить время не за письменным столом, а наслаждаться кальяном. Но они молчали после того, как эмир приказал одному особо разговорчивому вырвать язык, а потом и пристрелил его самолично.

Но в этот раз что-то пошло не так. Это эмир ощутил сразу по наступившей вдруг звучащей тишине. Да, он относил это к своим особым качествам, умел слышать звучание тишины, что дано только избранным. Теперь она почему-то внушала ему беспокойство.

Эмир поднял голову и посмотрел на молодого, физически крепкого бывшего старшего прапорщика ОМОНа. Начисто выбритая голова, щетина на щеках и подбородке. Это еще не борода, но скоро таковая появится. Лицо сухое, перетянутое жилами. Глаза, горящие ненавистью.

– Исафил Надирович, это вы, что ли? – с явным изумлением спросил вдруг этот парень.

– Меня зовут Рамазан Ахмедович, молодой человек, – отозвался Сиражутдинов достаточно неприветливо.

Он явно не был знаком с этим человеком. Память на лица у Рамазана Ахмедовича всегда была достойна зависти, как он сам считал.

Эмир не мог понять, откуда у этого парня в глазах столько ненависти. А то, чего он никак не мог уразуметь, всегда вызывало у него опасение. Не имело значения, что этот вот Хасбулатов попытался назвать его чужими именем и отчеством.

– Простите меня, эмир. – Новобранец посмотрел на командира отряда совсем другим взглядом. – Вы очень уж сильно похожи на подполковника полиции Исафила Надировича Темирова, заместителя начальника нашего райотдела.

– У тебя к нему особое отношение? – спросил эмир.

Он сразу заметил изменение взгляда новобранца, выпрямился и расправил плечи, словно показывая себя.

– Особое отношение – это не совсем то. Но вы с ним похожи, прямо как братья-близнецы. Только он слегка повыше вас ростом будет. Не намного. Может, на полголовы.

– Если не намного, то не страшно, – сказал эмир и усмехнулся.

Он еще не осознавал того, насколько эта фраза окажется значимой.

Рагим Хасбулатов был принят в отряд и показал себя достаточно неплохо в боях с прославленной дивизией сирийского спецназа «Силы тигра». Особенно он оказался хорош в рукопашной схватке, когда «тигры» прорвали линию обороны. Они пытались разделить отряд надвое и уничтожить его по частям.

Эмир тогда вовремя разгадал намерения противника и приказал своим людям отступить в развалины небольшого городка. Сирийский спецназ предпочел не соваться туда, памятуя свои недавние потери в аналогичной ситуации. Тогда прямо под ногами солдат взрывались целые улицы. Стены домов обрушивались на тех, кто провалился под землю, в одну большую братскую могилу.

В этот раз боевики просто не успели заминировать. Однако «Силы тигра» завершили наступление, остановились в нескольких кварталах от отряда «Аль-таиб» и принялись расстреливать пустынные улицы и дворы из минометов. Но потом им надоело тратить боеприпасы без всякого толка, и обстрел прекратился.

Отряд «Аль-таиб» занял только два дома, стоявших рядом, расположился на вторых этажах того и другого. В трех зданиях через дорогу обосновался другой отряд, отступивший раньше. Вторые этажи были самыми уцелевшими во всех домах. На первых уже похозяйничали мародеры, опасаящиеся подниматься выше. Начиная с третьих, разрушения оказались настолько значительными, что помещения были малопригодны для проживания в них.

Тогда еще боевики рассчитывали на то, что со дня на день будет предпринята контратака. Они отобьют жилые кварталы, теперь занятые противником, в которых располагались до этого. Там было удобно, все обжито за долгое время. А до того придется обходиться этими вторыми этажами домов, стоящих рядом.

Никто не знал, с какой целью накануне боя эмира вызывало командование. Сам он об этой беседе никому не сообщил. Однако моджахеды думали, что там обсуждались различные варианты проведения предстоящего боя. В том числе и возможность отступления с обязательной контратакой в ближайшие же дни, а то и часы. Боевики гордились тем, что их эмир был приглашен туда.

В реальности же разговор с Рамазаном Ахмедовичем шел совершенно о другом. При этом присутствовал какой-то американский полковник, который очень интересовался как раз возможностью эмира полностью легализоваться в России. Именно тогда он получил приказ поторопиться с выработкой плана по возвращению на родину и услышал вопрос о том, какие цели ставит перед собой в перспективе.

Эмир Сиражутдинов сказал, что сам он по образованию и по профессии – инженер-нефтяник. Он видит будущее своего отряда в проникновении на российский нефтеносный Север и оседании там. В тех краях уже устроились многие его соотечественники, и прибытие новых членов диаспоры будет не так заметно.

Но для этого требуется решить первичную задачу – сначала устроиться всем в Дагестане. Не на длительное время, однако вполне легально, при этом не принимать участия ни в каких акциях, идущих вразрез с российскими законами.

Беда заключалась в том, что значительная часть отряда состояла не из дагестанцев, а из иностранных наемников. Бросать их в Сирию Сиражутдинов не намеревался. Он размышлял о том, как перевезти их всех сначала в Дагестан, дать возможность осесть там, а потом уже переправить в северные районы России.

Подробный план своих действий эмир обещал составить за неделю. Но он получил на это только пять дней, по истечении которых должен был доложить командованию о проделанной подготовительной работе.

Так уж получилось, что после отступления со старой, уже давно обжитой позиции у Рамазана Ахмедовича не оказалось помещения для работы и отдыха, равноценного прежнему. Хорошо еще, что его ближайшие помощники побеспокоились, успели перенести кальян и бо́льшую часть документов. Однако некоторые из них пришлось все же оставить. Эмир и его подручные не успели уничтожить их.

В результате обстрела из минометов и танковых орудий отключилось электричество. Поэтому у бандитов не было возможности включить шредер. Тогда эмир приказал попросту свалить в кучу и поджечь документы, оставленные на прежнем месте. Бумага вроде бы разгорелась быстро, но когда Сиражутдинов с помощниками вышли на улицу, пламени в окне видно уже не было. Видимо, бумаги потухли. Но не возвращаться же назад под обстрелом!

Времени на подготовку эмир получил ничтожно мало. Сам он, бывший инженер, всегда предпочитал работать не с текстами, а с графиками и таблицами. Но для составления плана ему требовалось главное – какая-то вполне здравая, однако совершенно нестандартная мысль. Он как раз искал ее в собственной голове и случайно выглянул в окно через разбитое, торчащее футуристическими осколками стекло. Эмир увидел во дворе дома Рагима Хасбулатова, бывшего старшего прапорщика ОМОНа. Тот лил из пластикового ведра воду на обнаженный торс большого и сильного моджахеда, своего товарища. Мысль появилась сразу.

– Рагим! – крикнул эмир в окно. – Поднимись ко мне. – Он выглянул в соседнюю комнату, где сидели его два охранника, и сказал: – Сейчас Хасбулатов поднимется. Я его жду. Пропустите.

Эмир еще успел некоторое время посидеть за кальяном, прежде чем охранники ввели в кабинет бывшего старшего прапорщика ОМОНа. И только при нем он перешел за свой рабочий стол, сел, показал Рагиму на стул по другую сторону и взглядом приказал охранникам выйти. Те поспешили это сделать.

– Помнишь, как ты ко мне пришел в первый раз? – спросил Рамазан Ахмедович.

– Помню, эмир.

– Ты меня еще с кем-то спутал тогда, назвал каким-то чужим именем.

– Да. На вас очень похож один человек. Это заместитель начальника нашего районного отдела МВД подполковник полиции Исрафил Надирович Темиров.

– Да. Именно так ты пытался меня назвать. Расскажи мне, что это за человек.

– А что про него рассказывать? Всех таких самодуров обязательно надо расстреливать. Надеюсь, я когда-нибудь до него все же доберусь.

– Он что-то тебе лично плохое сделал?

– Придирался постоянно. Это потому, что я однажды возразить ему попытался. Совершенно законно возразить. А он действовал по своему усмотрению. Мы только что сутки отдежурили, а подполковник нашу группу задействовать хотел в ликвидации двух бандитов. Не новую смену, не свежую, а нас. Хотя мы уже на ногах не держались. Все мысли были о том, чтобы как-то до кровати добраться. За ночь три выезда на происшествия. Устали все жутко. А он приказал нам ехать на боевую операцию, да еще и в плен никого не брать, ликвидировать на месте. Мы не смогли этого сделать. Убежали парни. Сначала в доме закрылись, отстреливались. А потом, когда к нам БТР подослала и тот начал дом из пулемета поливать, рванули через огороды. Подполковник нас во всем обвинил. Я и возразил, сказал, что мы спим на ходу. Он тогда вообще лютовал, да и потом постоянно ко мне придирался. И по поводу, и без повода. Простить не мог, что какой-то старший прапорщик посмел с ним не согласиться. Я сначала даже уволиться из полиции думал, но товарищи меня предупредили, сказали, что Темиров

специалист по провокациям. Подбросит наркотики в машину, и все. Не сам, конечно, но кого-то подошлет. Не отстанет он от меня в любом случае. Врагом я ему стал. Почти кровником. Я и сам уже тогда подумал, как мне лично с Темировым разобраться, но он осторожным был, понимал, что многим на горло наступил, и всегда при себе автомат держал. Один на работе, а дома – трофейный. Отобрал у какого-то пастуха, который шакалов из него стрелял, чтобы ягнят не воровали. Шакалы же хуже волков. Хитрее, по крайней мере. Найдут кучу собачьего дерьма, в нем изваляются и смело идут в отару. Собака чувствует свой запах и их не трогает. Вот они и воруют ягнят. В горах без автомата сложно. Шакалов много, а двустволки они не боятся. Подполковник нашел чабана, отобрал у него автомат для собственных нужд. Он всегда этот ствол при себе держал. Свой, штатный, брал только тогда, когда на официальные операции выезжал, против бандитов. Чтобы домашнее оружие не светить перед прокуратурой.

– А в тот раз что за бандиты были? Из наших сторонников? Там же у вас... извини, уже у них именно нас так зовут.

Рагим отвел глаза и ответил:

– Нет, эмир. Простые уголовники. Скот воровали. У каждого за одно и то же по несколько ходок. Это уже называется рецидив. Их зоной не исправишь. Главное в том, что воровали у самых беззащитных стариков! А наших сторонников в районе нет. Я, по крайней мере, никого не встречал и даже не слышал про таких людей. Разговоры о них обязательно были бы. Только когда я в Махачкалу приехал, узнал, что там есть много вербовщиков. Но не захотел, чтобы кто-то на мне деньги зарабатывал, сам решил сюда прийти. Днем спал в укромных местах. Ночами шел. Старался дорог придерживаться, чтобы не заблудиться. Свет фар увижу – прячусь. Так и добрался.

– А сторонники наши в тех местах будут, когда мы там объявимся, – заявил Сиражутдинов.

– А мы туда пойдем?

– Обязательно.

– А когда?

– Уже вскоре. Готовься. Какие-то планы у тебя есть?

– Мне, честно говоря, эмир, хотелось бы с подполковником Темировым поквитаться, показать ему, что власть переменилась.

– Поквитаешься, только вот, наверное, не так, как ты думаешь.

Рагим не стал спрашивать, что имел в виду эмир, но тот что-то придумал. Это было очевидно.

– А что ты говоришь про нашу с ним схожесть?

– Сейчас я уже не так в этом уверен, эмир. Наверное, голос у вас не совсем такой. Да и ростом Темиров чуть-чуть повыше. Но в целом сходство удивительное.

– Вот на этом мы и сыграем, сделаем из него бандита.

В тот раз Рагим не понял точно, о чем шла речь, а спрашивать эмира о его планах в отряде было не принято. Этот разговор не выходил у него из головы. Но когда другие моджахеды спрашивали парня, зачем его звал к себе Сиражутдинов, бывший старший прапорщик ОМОНа только морщился и невнятно пожимал плечами.

– Расспрашивал о моем прошлом, – отвечал он не очень определенно.

При этом Рагим понимал, что возможно, даже вероятно, что эмир сам приказывал моджахедам спросить у него о причине вызова. Отвечал он так, чтобы командир оставался доволен, не сообщал ровным счетом ничего.

Наверное, эмиру это нравилось. Он сам был человеком скрытным и немногословным, ценил данные качества в других людях. Возможно, именно благодаря этому Рагим Хасбулатов уже через несколько дней был назначен командиром джамаата взамен прежнего, погибшего

при отступлении. Впрочем, джамаат этот теперь являлся самым маленьким в отряде. Тогда вместе с командиром полегли еще пять моджахедов, ровно половина личного состава этого подразделения.

– Будем твой джамаат пополнять. Но не за счет других, – сказал тогда Сиражутдинов новому командиру. – Вот вернемся в Дагестан, там ты сам себе людей наберешь. Своих возьмешь, которых знаешь и поручиться за каждого готов будешь. Но учти, за них я спрашивать буду только с тебя. Остались у тебя дома надежные люди?

– Конечно, эмир. Там таких много.

Это повышение в должности было каким-то оправданием вызова к эмиру на собеседование. Да, расспрашивал о прошлом. Понятно, что командиром джамаата просто человека со стороны, не известного никому, и в первую очередь эмиру, ставить нельзя. Кандидата следует хорошенько изучить. А как можно это сделать, не расспросив его?

Но все моджахеды знали, что любые слова человека, сказанные им о себе, эмир каким-то образом проверяет. Может, у него имеется собственная агентура. Или же он пользуется сведениями разведки «Джебхат ан-Нусры», даже задания ей дает. Такого варианта боевики тоже не исключали. Они считали своего эмира человеком не простым, весьма значимым в общей иерархии организации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.